

УДК 81`42

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-35-55

ГРАММАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: МЕЖДУ УНИКАЛЬНЫМИ «ЭКЗЕМПЛЯРАМИ» И НАУЧНЫМИ ОБОБЩЕНИЯМИ

Сидорова М.Ю.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема перехода от анализа уникальных объектов к обобщениям при лингвистическом изучении художественного текста. Сначала выявляются типичные нарушения логики этого перехода в современных исследованиях. Затем демонстрируется, как представление о правомерности лингвистического изучения художественного текста складывалось в мировой филологии второй половины XX в.; характеризуются факторы, повлиявшие на этот процесс, и методологические трудности преодоления разрыва между а) лингвистикой предложения и лингвистикой текста; б) изучением «сверхиндивидуальных», т. е. языковых, объектов и неповторимых «экземпляров», т. е. художественных текстов. В заключение автором формулируются методологические предпосылки преодоления типизированных в начале статьи исследовательских проблем.

Ключевые слова: лингвистика, художественный текст, генеративная грамматика, нарратология, лингвистика текста

GRAMMAR OF FICTIONAL TEXT: BETWEEN UNIQUE “EXAMPLES” AND SCIENTIFIC GENERALIZATIONS

M. Sidorova

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the problem of transition from unique objects to generalizations while analyzing works of fiction. First, we reveal violations in the logic of this transition which are typical for modern research. Then we demonstrate how world philology arrived at the idea of the legitimacy of linguistic study of fictional texts in the 2nd half of the 20th century. We characterize factors which influenced this process and methodological difficulties in overcoming the gap between a) sentence linguistics and text linguistics; b) studies of “superindividual”, e.g. linguistic, objects and inimitable examples, e.g. fictional texts. In conclusion, we formulate methodological prerequisites for the elimination of the research problems listed at the beginning of the article.

Key words: linguistics, fictional text, generative grammar, narratology, text linguistics.

...Всякое познание... всегда разрывается между двумя неизбежными и избитыми истинами – что объекты бывают только единичные и что наука бывает только об общем; которая зато ободряется и как бы намагничивается другой, не столь распространенной истиной: общее содержится в частном, а значит, вопреки общему пред-рассудку, познаваемое – в таинственном.

Ж. Женетт

Данная статья – первая в серии, посвящённой методологическим проблемам современной лингвистики, и речь в ней пойдёт о проблеме, которую можно назвать если не вечной, то возвращающейся на разных этапах развития науки. Это вопрос, с одной стороны, о научной ценности лингвистического анализа отдельного литературного произведения, с другой – о способности лингвистики делать генерализации касательно текстов художественной литературы, о правомерности таких генерализаций, об условиях, которые должны быть выполнены для того, чтобы подобные генерализации были адекватными, то есть соответствовали сущности исследуемого предмета (произведений словесного творчества) и критериям научности. Без обобщений, желательных приводящих к классификациям и обладающих предсказующей силой, нет науки; и описывая, как выражался М. Рифаттерр в своей критике Р.О. Якобсона, “the grammar of the poem”, мы рискуем оказаться на уровне научности, эквивалентном бытовому утверждению «Моя кошка любит шоколад» и бесконечно далёком от утверждения научного «Кошки – млекопитающие». Но в то же время нет науки и без соответствия метода и цели предмету исследования, а уникальность, неподражаемость является сущностной чертой произведения художественной литературы, как и вся-

кого искусства, на которой во многом и основана роль этого произведения в эстетической коммуникации.

Об актуальности обозначенной проблемы сигнализирует содержание тезисов, поданных в 2016–2018 гг. на международную конференцию молодых учёных «Ломоносов» в секцию «Язык художественной литературы». Симптоматичными, с этой точки зрения, являются три типа подходов, каждый из которых представлен в многочисленных работах молодых исследователей. Продемонстрируем их, сопровождая примерами без указания авторов (поскольку тексты эти доступны для рецензирования только в анонимном виде, а дальше стадии рецензирования они не проходят).

1 тип. Берётся некоторый лингвистический объект, далее его общеизвестная классификация и текстовые функции иллюстрируются примерами из того или иного автора. В этом случае получается «исследование» под названием «Глаголы, обозначающие звуковую и содержательную стороны речи, в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”», «Безличные предложения в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”»: структура и семантика», «Бисубстантивные предложения как средство выражения оценки в прозе Л. Улицкой», «Метафорические модели в повести А. и Б. Стругацких “Понедельник начинается в субботу”» или

«Актуализация информации в односоставных предложениях (на материале произведений М.М. Пришвина)». Структура подобных тезисов однообразна. Дается определение объекта, констатируется его важность в языке вообще и/или в художественном тексте, далее то же самое сообщается про каждый вид объекта примерно по одной и той же схеме:

Обобщенно-личные предложения – это... Они используются для... Пример из «изучаемого» автора...

Неопределенно-личные предложения – это... Их использование позволяет... Пример из «изучаемого» автора...

Такую последовательность иногда инкрустируют констатацией (никакими подсчётами не подтвержденной) частотности этих предложений/глаголов и т. п. в текстах данного автора, а в качестве объяснения выдвигают опять же их «особую выразительность» или то, что они «позволяют ярко/живо/лаконично изобразить/представить/увидеть...». В заключении может присутствовать пафос, заменяющий вывод: «В целом, односоставные предложения в творчестве М.М. Пришвина позволяют передать все оттенки настроения и мироощущения автора, который стремился запечатлеть каждое мгновение, постичь его красоту, научить нас любить родную природу». Или: «...Глаголы, характеризующие звуковую и содержательную стороны речи, придают тексту художественного произведения яркость, метафоричность и экспрессивность, составляя неотъемлемую черту русского национального колорита». Очевидно, что подобные «выводы» могут быть присоединены к текстам, посвященным многим писа-

телям, но при этом значимыми научными генерализациями не являются.

Штамповать подобные «исследования» можно сотнями (достаточно только представить матрицу, где по горизонтали – перечень всех известных лингвистических объектов, а по вертикали – список всех писателей и поэтов, творивших на русском языке). Приращение филологического знания от них – почти нулевое: мы ничего нового не узнаём ни об односоставных предложениях, ни о Пришвине, ни о безличных предложениях, ни об Улицкой, ни о метафорических моделях, ни о Стругацких. Вся русская литература в этом случае превращается в иллюстрацию Академической грамматики, справочника Д.Э. Розенталя или словаря поэтических образов Н.В. Павлович, о чём молодые исследователи открыто и заявляют в качестве выводов, например: «Исходя из перечисленного, можно сказать, что предметное поле «Люди, их действия и состояния» наиболее широко проиллюстрировано примерами из повести. Очевидно, что авторов более всего привлекают люди, их внутренняя жизнь: мысли, чувства, воспоминания, отношения».

Характерным для этого типа лингвистических работ является отказ от попытки самостоятельно сформулировать цель, идею, замысел, стратегию автора либо, заимствовав такую формулировку из литературоведческих работ или записных книжек, публицистики, комментариев самого автора, привести свои наблюдения в соответствие с этой целью, идеей и т. п., т. е. объяснить, какую роль играют «титильные» лингвистические объекты в её реализации. Иными словами, это отказ от решения задачи, которую

ставил перед лингвистом, изучающим произведение художественной литературы В.В. Виноградов: «... Лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она могла располагать. И тогда его задача – в подборе слов и их организации в синтаксические ряды найти связывающую их внутренней психологической объединённостью систему и сквозь неё прозреть пути эстетического оформления языкового материала» [5, с. 3]. Ни о поиске «внутренней психологической объединённости», ни о «преобразующей» личности автора, подвергающей языковой материал **эстетическому оформлению**, речь не идёт.

Этот отказ проявляется как на уровне отдельных примеров, так и в попытках обобщения, для которых характерна крайне простая логика: данный лингвистический объект или приём используется исследуемым автором, потому что необходим и без него никак нельзя в художественной литературе. Решение задачи, сформулированной Виноградовым, подменяется рассуждениями о необходимости, например, метафоры «для создания у читателя образного представления о героях, что, в свою очередь, и приводит к более глубокому и полному пониманию авторского замысла и распределению смыслов текста» и о том, что «индивидуальная авторская метафора всегда содержит высокую степень художественной информативности, так как выводит слово (и предмет) из автоматизма восприятия, поскольку без метафорической насыщенности художественного текста невозможно создание ассоциативных художественных

образов у читателя, без чего, в свою очередь, невозможно достичь полного понимания смыслов текста». И у Стругацких, стало быть, тоже так. И у всех остальных.

2 тип. В качестве объекта исследования заявляется некоторая общая черта/особенность круга художественных текстов, ограниченного хронологически и/или по другому признаку, и эта общая черта рассматривается «на материале/примере произведений/языка» того или иного автора. При этом исследователь не утруждает себя доказательством того, что именно этот автор максимально репрезентативен для поставленной задачи. В этом случае получают тезисы на тему «Особенности репрезентантов сравнений в современной женской прозе (на материале произведений М.Л. Степновой)» или «Семантический процесс именованья в поэзии начала XX века (на примере языка А. Крученых)». Очевидно, что ни М.Л. Степнова, ни А. Крученых не могут служить основанием для генерализаций по сформулированным темам. У авторов подобных исследований явно «сбита» настройка индукции-дедукции.

3 тип. Постулируется якобы особая роль того или иного языкового элемента в творчестве некоторого писателя или поэта, и эта роль демонстрируется на отдельных примерах, подаваемых по модели «может быть так... а может и так...». В этом случае у нас получатся тезисы на тему «Особенности представления числа “три” в художественной прозе А.П. Чехова» или «Семантика синего цвета в произведениях В. Высоцкого». При этом подходе, в отличие от первого и второго, акцент делается на индивидуальности из-

учаемого автора, но эта «индивидуальность» выявляется даже не на примере отдельных произведений, а в отдельных словоупотреблениях. Например, «собственная, авторская символика, отличающаяся от общезыковой, характерной для русской лингвокультуры», у числительного «три» в рассказах Чехова может иллюстрироваться следующим образом: «К примеру, “три” становится символом неуверенности, когда данное количество употребляется вместо необходимого большего, к примеру, при описании рукопожатия: “Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец” (“Толстый и тонкий”). Данное числительное может стать знаком низкой цены, дешёвки: “Тебе, живущему на счёт жены, платить пятнадцать рублей за цилиндр, когда отлично, не в ущерб ни моде, ни эстетике, ты мог бы проходить в трёхрублевой шапке!” (“75000”). По-особому звучит числительное “три” в рассказе “Анна на шее”, где с его помощью отождествляются человек и вещи, предметы: “Значит, у вас теперь три Анны: одна в петлице, две на шее”. В этом логическом каламбуре автор с помощью числительного показывает униженное положение Анны, её бесправие, восприятие её другими героями как вещи». Проблема здесь даже не в случайности и нерепрезентативности трёх единичных примеров из трёх разных рассказов, не в ошибках лингвистической и лингвокультурологической интерпретации, а в том, что на основании этих примеров делается обобщающий вывод об «особенностях» символической системы писателя.

Безусловно, работы, из которых извлечены приведённые примеры,

ученические. Но, во-первых, это не исключения, а статистическая масса, преобладающий стандарт, во-вторых, как правило, тезисы, подаваемые на конференцию «Ломоносов», отражают содержание курсовых, дипломных работ и диссертаций их авторов, то есть исследований, выполняемых **под руководством**. Значит, перед нами не отдельные недопонимания отдельных студентов и аспирантов, а то, что претендует сейчас на норму в исследовании художественного текста. Но значит ли это, что мы разучились исследовать художественный текст и учить этому молодых филологов, причём это произошло после сравнительно недавнего бума, который лингвистическое изучение художественного текста пережило в отечественной науке в начале XXI в. и который выразился в появлении ряда монографий, содержавших существенную методологическую часть ([21; 22; 24] и др.)?

Мы полагаем, что корень проблемы как раз в том, что современное поколение молодых исследователей выросло в ситуации, когда право лингвиста заниматься художественным текстом неоспоримо, воспринимается как данность, и для них филологические дискуссии второй половины XX в., в которых это право выкристаллизовалось в жестоких спорах, – за научным горизонтом. Представляется, однако, что возвращение к этим дискуссиям и анализ аргументов, использовавшихся в них обеими сторонами, может иметь существенный методологический смысл, помогая расставить правильные ориентиры в лингвистическом изучении художественного текста.

В конце XX в. мировая наука нашла пути выхода из замкнутого круга, в

котором блуждали во второй половине столетия генеративная грамматика и нарратология, пытаясь обнаружить баланс между анализом отдельного текста, тем более художественного, с грамматическими «отклонениями», и теорией строения текста вообще или большой группы текстов; между последовательной, но «стерильной» теорией и простой регистрацией фактов [55, p. 225].

Генеративная грамматика с её стремлением вывести обладающие предсказующей силой, всеохватывающие и не противоречивые правила «грамматичности» (grammaticalness) предложений языка вставала в тупик, сталкиваясь с «аграмматичными» поэтическими структурами. В дискуссии 1960-х гг., стимулированной исследованиями Р. Якобсона по поэтике, в первую очередь [44] и продолженной в [38–40; 45–47; 49; 53; 54] и др., высказывались предложения:

– либо инкорпорировать поэтические «неправильные» предложения и тексты в грамматику языка,

– либо составить «список» структур-«исключений» (содержащий существующие высказывания, но не правила конструирования новых, им подобных),

– либо создать для художественных текстов особую грамматику, порождающую отдельный поэтический текст, «диалект» одного автора или «поэтический диалект» языка в целом.

Однако камнем преткновения в «генеративных» дискуссиях было убеждение, открыто или внутренне разделяемое в то время большинством их участников: “All stylistic studies are in some sense concerned with texts while those leading to the construction of

grammars ultimately are not” [54; p. 58]. Не случайно Т.А. Ван Дейк в аналитической статье 1971 г. «Некоторые проблемы генеративной поэтики», с одобрением оценивая энтузиазм «лингвистов, изучающих литературу» и «литературоведов, использующих грамматику» в поиске более адекватных инструментов исследования, замечал, что инструменты, предлагаемые трансформационной моделью, предназначались не для описания художественных текстов, а для описания «предложений художественных текстов» (“the wide-spread enthusiasm of linguists-studying-literature and of literary-scholars-using-grammar for the more adequate theoretical tools, offered by the transformational model with which the sentences of literary texts can be described”) [34, p. 5].

Грамматика заканчивалась уровнем изолированного предложения и сводилась к «правилам правильности» – она не выходила в текст (не рассматривала ни категории текста, ни взаимодействие текстового целого и составляющих его единиц) и не объясняла закономерностей функционирования языковых единиц и единств в коммуникации. При таком подходе текст закономерно оказывался объектом стилистики, но не грамматики. Описание отдельного текста сводилось к простому наклеиванию «этикеток», к “one-to-one relation” между текстом и метаязыком грамматики, к «сумме данных», в которой отсутствовали термины теоретические в полном смысле этого слова (т. е. выходящие за пределы непосредственных данных) [39, p. 2]. Из этого логично следовало утверждение, что «лингвиста, в отличие от литературного критика, обнару-

жение существенных различий между художественным и научным (или нехудожественным) текстом не интересует» [39, р. 18].

Грамматика художественного текста могла существовать только как грамматика одного единственного текста, причём текста «отклоняющегося», выходящего за пределы генеративной грамматики языка¹. В этом споре «грамматисты», утверждавшие, что “no grammatical analysis of a poem can give us more than the grammar of the poem” [49; р. 213]², и внешне противостоявшие им «структуралисты» (представители структурной, или генеративной, поэтики) оказывались, если вглядываться в суть, по одну сторону баррикады. Первые утверждали, что грамматику художественного текста построить нельзя, вторые – что следует заниматься грамматикой «художественных предложений».

А вот Р.О. Якобсон, будучи носителем русской филологической традиции, в этой дискуссии заметно отличается от тех представителей западной лингвистики, которые находятся на одной с ним стороне: Якобсона в лингвистическом исследовании художественного текста в первую очередь интересует сам **текст**, выполняющий «поэтическую», эстетическую функцию, тогда как его сторонники не могут вырваться из плена рассуждений о «поэтических» **предложениях**. Это ощущается, например, при сопостав-

лении работ Якобсона по «грамматике поэзии», включая компактные разборы стихотворений Пушкина «Я вас любил» и «Что в имени тебе моем» [28, 29] с книгой С. Левина «Лингвистические структуры в поэзии» [45], которая очевидно была написана под воздействием идей Якобсона, но при этом в качестве основной проблемы лингвистического исследования художественного текста постулировала опять же определение теоретического статуса неграмматичных предложений. «Грамматика художественного текста», по мысли Левина, должна была писаться именно для того, чтобы понять, являются эти предложения результатом особого стилистического «выбора» из грамматики обычного языка или поэзия нуждается в особой грамматике.

Несмотря на несостоятельность генеративно-грамматического подхода к художественному тексту как таковому, положительным итогом дискуссии стало усиление интереса к отношениям художественной литературы и грамматики, в конечном счёте ставшее одним из факторов, которые привели к оформлению в самостоятельную отрасль исследований лингвистики текста и перестройке отношений между стилистикой и грамматикой. Не случайно «извиняющаяся интонация», с которой У. Хендрикс в 1969 г. писал: “...Grammar may be useful and relevant to the description of style”, – в 1976 г. сменилась утвердительной в названии его книги “Grammars of Style and Styles of Grammar”³.

³ Объём статьи не позволяет остановиться на той промежуточной стадии движения от грамматики предложения к грамматике текста, которую можно назвать «грамматикой последовательности предложений». См. [42] и краткий обзор в [34].

¹ Показательное обсуждение подобной «грамматики одного текста» стихотворения Э. Каммингса “Anyone lived in a pretty how town” см. в [39; 46; 53; 54].

² Подробный ответ Р. Якобсона, по поводу совместной статьи которого с К. Леви-Строссом о «Кошках» Бодлера было сделано приведённое замечание, см. в [43, р. 760–785].

С другой стороны к поиску грамматики художественного текста двигалась **нарратология**, которой удалось преодолеть тенденцию к отрыву от реального словесного текста и утверждению независимости нарративных структур от средства реализации (“medium of realization”)¹ – словесного, кинематографического и др. Однако «грамматика повествования» не подошла к грамматике языка ближе, чем на уровень абстрактных актантно-предикатных схем [11; 19; 20; 23], иллюстрируя тем самым замечание Цв. Тодорова о том, что частотность метафорического употребления слов *язык, грамматика, синтаксис* заставила забыть об их прямом значении [55, p. 118]. Характерно, что сразу же за этим замечанием в работе «Грамматика повествования» сам Тодоров в полной мере демонстрирует его верность, утверждая, что грамматика универсальна, как «психологическая реальность», не только в языке, но и в других сферах «символической» дея-

¹ Критику, хотя и недостаточно подкреплённую солидными аргументами, такого подхода в [30] см. в [39; p. 19]. Отрыв нарратологических построений от реального языкового воплощения нарративных структур был заложен уже в методологии В. Проппа. В западных теориях повествования второй половины XX в. была представлена типичная для развития науки ситуация: материал успешно сопротивлялся попыткам «грандов» от него оторваться, «ученики» оказывались побеждены теорией. Достаточно сравнить [2] и [26] с [50]. Наиболее грамматичен в лучшем смысле этого слова был Ж. Женетт [12], за что и навлек на себя обвинения, например, в том, что привлечение лингвистического аппарата и «инструментальное использование» литературной теории, которая должна «увековечивать идеологические представления о сущности литературных текстов», подрывает методологию исследования и ставит под сомнение результаты [48].

тельности людей (*activites symboliques de l'homme*) [55, p. 119]. Предлагаемая Тодоровым «грамматика» не могла выполнить поставленной перед ней задачи – выработать промежуточные, «посреднические» категории между словесным материалом и нарративными функциями Проппа. «Нарративные трансформации» Тодорова – детализация, но не изменение уровня описания и объяснения.

Но о том, что эти «промежуточные» категории были необходимы, всё активнее говорили – каждый со своей стороны – и лингвисты, стоявшие вне генеративной парадигмы, и литературоведы. И те, и другие осознавали, что существует уровень анализа, от них ускользающий, – уровень, лежащий между уровнем конкретных языковых средств построения текста (*immediate constituents*) самым большим из которых является предложение, и “larger-grained structures of certain types of literary discourse” [41; p. 557] или **фикциональным миром**: “The terminological arsenal of the literary scholars applies, often very well, to the largest-size levels of this structure; that of the linguist applies equally well to the smallest-size levels; but there is **at present a poorly explored terrain in between**” [41; p. 557]; “**The fictional world arises from language but it is not clear how this ascent occurs**” [31, p. 129]; «Можно сказать, что забрасывается либо слишком мелкая сеть (в которую попадают лишь чисто языковые объекты), либо слишком крупная (в которую попадают, по-видимому, лишь экстралингвистические объекты)» [3, с. 445].

Однако, как уже было сказано, ни генеративная грамматика, ни стилистика – с лингвистической стороны,

ни нарратология или теория фикциональности – со стороны литературоведения – не смогли справиться с задачей обнаружения этого «среднего уровня» (*middle-size level*) – ни в виде единиц текста, ни в виде принципов его организации. Складывалась в некоторой степени парадоксальная ситуация, в которой осознание необходимости анализа языковых объектов, больших, чем предложение, наталкивалось на тот факт, что лингвистика того времени в целом и грамматика в частности ограничивали себя уровнем предложения.

Выход за пределы этого уровня сводился к транспозиции свойств предложения на текст/дискурс, и Р. Барту уже в 1966 г. **подобной лингвистики начинать не хватать**. Ему, безусловно, требуется определённая смелость, чтобы перейти от утверждения о том, что «с точки зрения лингвистики в дискурсе нет ничего такого, чего не было бы в отдельном предложении», к следующему выводу: «Вместе с тем, очевидно, что сам дискурс (как совокупность предложений) определённым образом организован и предстаёт в качестве сообщения, построенного по правилам языка более высокого порядка, нежели тот, который изучают лингвисты: дискурс располагает собственным набором единиц, собственными правилами, собственной “грамматикой”; находясь по ту сторону предложения (хотя и состоя исключительно из предложений), дискурс, естественно, должен быть объектом некоей другой лингвистики» [2, с. 390]. **Симптоматично**, что Барт здесь два раза использует слово «правила»: отталкиваясь от современной ему лингвистики, не желающей заниматься «правилами

высшего порядка», определяющими построение дискурса, он ищет лингвистики новой, при этом, судя по предъявляемым им критериям, весьма грамматичной, ибо грамматика как раз и есть наука о правилах.

Это движение к поиску «правил высшего порядка» и общих текстовых структур имело два существенных результата:

1) оформление как отдельной дисциплины «лингвистики текста», которая эксплицитно перевела текст из статуса источника языкового материала в статус законного объекта лингвистики, сконцентрировала внимание исследователей на текстовых единствах и позволила сформулировать целый ряд особенностей (не всегда претендовавших на статус правил) их построения; однако такой методологический недостаток как резкое разграничение лингвистики «до уровня предложения» и «лингвистики текста» не позволил ей охватить общими правилами всю систему языка и её функционирование, что смогли сделать системно-функциональная грамматика М.А.К. Холлидея [35–37] и коммуникативно-функциональная грамматика Г.А. Золотовой [13–17];

2) изменение методологического фокуса в литературоведческом исследовании словесных произведений. Мнение, что гуманитарные науки («науки о культуре») в отличие от точных, естественных наук интересуются конкретными, индивидуальными объектами, а не общими законами их построения и функционирования, стало уступать место (как в результате внутреннего развития литературоведения, так и под влиянием лингвистической парадигмы) убеждённости, что

обнаружение и понимание уникальных свойств объекта возможно лишь в соотношении с некоторой схемой, матрицей, моделью общих, потенциальных свойств [56, p. 17].

Последняя тенденция, однако, полной реализации не получила. Р. Уэллек и Э. Уоррен писали в своей «Теории литературы», первое издание которой вышло в 1948 г.: “... **One should recognize that each work of literature is both general and particular, or – better, possibly – is both individual and general. Individuality can be distinguished from complete particularity and uniqueness. Like every human being, each work of literature has its individual characteristics but it also shares common properties with other works of art, just as every man shares traits with humanity, with all members of his sex, nation, class, profession, etc. We can thus generalize concerning works of art, Elizabethan drama, all drama, all literature, all art. Literary criticism and literary history both attempt to characterize the individuality of a work of an author, of a period or of a national literature. But this characterization can be accomplished only in universal terms, on the basis of a literary theory**” [56; p. 19]. А спустя полвека С. Чэтмен использовал в качестве эпиграфа к своей статье 1998 г. «Что же случилось с теорией литературы?», содержащей критический обзор развития теоретического литературоведения последних десятилетий и пессимистическую характеристику его тогдашнего состояния, слова А. Конан-Дойля – «Огромная ошибка – теоретизировать, пока у вас нет данных» (It is a capital mistake to theorize before one has data) [32, p. 367]. Примерами верного, продуктивного соотношения между научной теорией

и практикой Чэтмен считал развитие теорий «точки зрения» и нарратологию: обе они возникли из изучения материала как попытки его объяснить и развивались «по подсказке» материала, «модифицируясь под давлением контрпримеров».

Идеальной иллюстрацией того, как методологические сомнения касательно специфического и общего, теории и частных наблюдений в анализе произведения художественной литературы успешно разрешаются в нарратологической работе, является предварение Ж. Женетта к его сочинению «Повествовательный дискурс». Оно начинается заявлением: «Специфический объект настоящего исследования – это повествование в книге Марселя Пруста “В поисках утраченного времени”». Явное противоречие между обозначенным объектом и названием исследования требует методологических разъяснений, которые Женетт предоставляет немедленно. Сначала он противопоставляет два принципиально различных подхода к прояснению данной ситуации: «либо открыто и явно отдать, как это делают другие, специфический объект исследования на откуп общему подходу, а критический анализ – на откуп теории (тогда «Поиски» окажутся здесь не чем иным, как поводом для обсуждения общих проблем, источником примеров и иллюстраций для нарративной поэтики, где специфические черты романа окажутся подавленными «законами жанра»); либо, наоборот, подчинить поэтику критике, сделать предлагаемые здесь понятия, классификации и процедуры исключительно инструментами ad hoc, предназначенными для точного и строгого описания прустовского повествования

во всём его своеобразии, обращаясь к теоретическим отступлениям только в целях уточнения метода». Однако ни одна из этих систем защиты не устраивает Женетта: ему «представляется невозможным рассматривать “В поисках утраченного времени” в качестве простой иллюстрации того, что могло бы считаться повествованием вообще, или повествованием романном, или повествованием автобиографическим, или повествованием Бог знает какого еще класса, сорта или разновидности: специфичность прустовской наррации, взятой в ее целостности, не сводима ни к чему другому, и какие-либо экстраполяции будут здесь методологически ошибочными; “Поиски” иллюстрируют только сами себя». Тем не менее, с точки зрения Женетта, эта специфичность может быть объектом научного анализа, сопоставлений, сравнений и обобщений: «Как и всякое художественное произведение, как всякий целостный организм, “Поиски” построены из универсальных или по меньшей мере сверхиндивидуальных элементов, которые собраны здесь в специфическое соединение, в некую своеобразную целостность. Анализ последней – это отнюдь не движение от общего к частному, но скорее от частного к общему: от того неповторимого предмета, каковой представляют собой “Поиски”, к тем сугубо общим элементам, фигурам и процедурам, общедоступным и широко используемым, которые я называю анахрониями, итеративами, фокализациями, паралепсисами и т. п.» [12, с. 61–62].

Здесь следует подчеркнуть утверждения о том, что «Поиски» «иллюстрируют только сами себя» и представляют собой «неповторимый предмет».

Без опоры на подобные утверждения и констатации сути этой неповторимости невозможен ни нарратологический, ни лингвистический анализ художественного произведения. Второй важнейший компонент мысли Женетта – утверждение, что в этом «неповторимом предмете» «сверхиндивидуальные элементы» «собираются в специфическое соединение, в некую своеобразную целостность», – по сути синонимично приведённому выше высказыванию В.В. **Виноградова** и, соответственно, резко противоречит тем трём типам «ученических методологий», о которых мы говорили в начале. Переноса мысль Женетта с нарратологического на лингвистический анализ художественного текста, можно сказать: если безличные предложения, биноминативные предложения, метафора и т.п. – это сверхиндивидуальные элементы, то задача исследователя состоит в том, чтобы определить, каким образом они вступают в «специфическое соединение», обеспечивая неповторимость целостности.

Итак, позитивным методологическим результатом развития мировой филологии (в который, следует признать, больше вклада было внесено со стороны литературоведческой, прежде всего структурной поэтики и нарратологии, чем с лингвистической), в конце XX в. явилось выяснение соотношения между анализом отдельного текста и обобщениями, касающимися больших групп текстов, методологическое обоснование распространения результатов исследования индивидуального текста на тип текстов. Открытые независимо и примерно одновременно в системно-функциональной грамматике М.А.К. Холлидея и функцио-

нально-коммуникативной грамматике Г.А. Золотовой возможности объяснения системы языка и его текстового функционирования на базе общей грамматической теории, обнаружение того, что грамматика слова, предложения и текста – единая грамматика, а не разные, – подкрепили это обоснование с лингвистической стороны.

Что касается отечественного литературоведения и языкознания, исторически в них возможность по частному заключать об общем понималась как должное и не требовала особых доказательств, в том числе по отношению к тексту, а право лингвиста на анализ художественного текста воспринималось как естественное. Естественное движение от изучения отдельного произведения или писателя к теоретическим выводам было подкреплено крупнейшими авторитетами российской филологии. Ещё Ф.И. Буслаев в работе «Риторика и пиитика» указывал «исходную точку учению словесности»: «... Самой природой указывается путь преподаванию; как у всех народов теория словесности составлялась вследствие изучения образцов, так и каждый ученик должен вступить в теорию через самостоятельное чтение. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связывает ученика и лишает его свободного сознания, получая вид предрассудка» [4; с. 49]. Это касается не только учеников, но и учёных – теория и история словесности, утверждает Буслаев, «извлекаются» из чтения писателя, как из своего источника. В.В. Виноградов во многих своих работах ставил и решал задачи изучения индивидуального стиля писателя как проявления «стилистически-речевой специфики

художественной литературы», отражения «стиля эпохи» или «стиля школы» и источника сведений по истории русского литературного языка [5–8]. «Законы словесно-художественного творчества народа, отражающиеся и в развитии его языка, определяют направление, характер речетворчества писателей, строй образов и состав экспрессивных красок, используемых в литературных произведениях» [7, с. 208], – писал он. Литературное произведение должно рассматриваться лингвистом и как «представитель языкового типа» (исторического, общественно-социального), и как «отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действенного выражения замкнутого круга представлений и эмоций» [5; с. 3]. Соблюдение этих требований обеспечивало методологический баланс, сохранявшийся в работах отечественных мэтров лингвистического изучения художественного текста и во второй половине XX в. В работах Е.А. Иванчиковой, Г.А. Золотовой и других учёных продуктивно используется термин «синтаксическая композиция художественного текста», предполагающий «характеристику разных сторон синтаксиса вычленяемых в данном тексте композиционно-тематических отрезков как частей структурного целого – с точки зрения отраженности в синтаксисе художественно-образного содержания» [18, с. 54]. «Общим итогом рассмотрения синтаксической композиции одного произведения писателя должно являться установление типологии композиционно-синтаксических форм в этом произведении, а также типологии

связи частей текста. ... Необходимым предварительным условием анализа синтаксической композиции художественного текста является учёт жанровой принадлежности художественного произведения и принятой в нём позиции автора», – пишет Е.А. Иванчикова [18, с. 54]. Как мы видим, и вопрос соотношения языковых компонентов художественного текста и его эстетической цельности, и вопрос соотношения единичности и типологичности здесь решены недвусмысленно – с опорой на функциональную специфику и образ автора.

Но если правомочность лингвистического анализа художественного текста в отечественной традиции не ставилась под вопрос, то дискуссии о правомочности «**лингвистики текста**» как особой дисциплины, её объекте, задачах и методах отечественное языкознание в последней трети XX в. переживало в полном соответствии с мировой тенденцией. Эта дисциплина своим возникновением, с одной стороны, отвечала, как сейчас принято говорить, на вызов Р. Барта и эксплицитно объявляла текст законным объектом лингвистики, с другой – в большинстве своих реализаций не преодолевала, а укрепляла барьер между лингвистикой предложения и лингвистикой текста¹. Именно в результате сохранения этого разграничения учёным пришлось задуматься о референции слова «текст» в названии новой дисциплины: является ли оно «именем класса», а если да, то каким образом собираются данные для этой науки? Примером размышлений на эту тему мо-

¹ Общее представление о содержании и динамике разворачивавшихся дискуссий в советской и мировой лингвистике дают [9] и [52].

гут служить материалы конференции «Лингвистика текста», проходившей в Москве в 1974 г. Тогда в своих тезисах Ю.М. Скребнев отмечал, что «основу лингвистики текста образует эмпирическое представление о типичных для письменных форм общения речевых сегментах значительной протяженности, хотя порождением текстов такого рода не исчерпывается речевая деятельность общества» [25, с. 60]. Скептически оценивая возможность научного определения конкретных, операциональных, «научных» признаков текста *in toto* и соответственно перспективы «глобальной» лингвистики текста, он полагал, что «более точные данные могут быть получены при обращении исследователя не к тексту вообще, а к текстovým типам – путём обследования групп текстов, однородных по социальной функции. Если проблематична возможность создания лингвистики **текста** как дисциплины, сочетающей практический результат с научной строгостью, то вполне перспективно существование лингвистики **текстов**» [25, с. 61].

Такой «лингвистикой» исторически была стилистика, которой для стилистической идентификации текста всегда требовался отрезок, больший, чем одно предложение. Стилистическая компетенция носителей языка обусловлена локализованностью представлений о типах текстов в языковом сознании, т. е., тем самым, в самой структуре языка» [25, с. 66]. Традиционная формальная грамматика с задачей изучения текста справиться не могла: фигура говорящего и понятие «функции» ещё не стали фокусами грамматического описания, шаг

от структурных схем предложения к структуре текста был неосуществим.

Не случайно на той же конференции П. Щедровицкий предложил две программы лингвистики текста. Либо лингвистика текста ставит перед собой задачу «распространить методы традиционной грамматики на отрезки речи большие, нежели предложение», либо она нацеливается на научное описание «во-первых, механизмов функционирования текстов в коммуникации и трансляции, во-вторых, естественных и искусственных механизмов порождения этих текстов, и наконец, в-третьих, строения самих текстов, обусловленного указанными выше моментами». Во втором случае «тексты как таковые будут резко противопоставляться системе языка» и «такая установка с самого начала исключит всякую возможность использовать традиционные средства и методы грамматики и заставит нас разрабатывать принципиально новую систему понятий и новые методы анализа» [27].

С.И. Гиндин в 1981 г., говоря о двух группах трактовки понятия «текст», отмечал, что «филологические» трактовки «объединяются противопоставлением того знакового образования (сообщения), которое передаётся в акте коммуникации, той знаковой системе (или системам), из элементов которой и по правилам которой оно построено» [10, с. 27]. Смена угла зрения в грамматиках Золотовой и Холлидея (не предложения образуют текст, не текст подчиняет себе предложения, а говорящий в соответствии со своей коммуникативной задачей и коммуникативной ситуацией формирует из

предложений цельный текст) положила конец этому противопоставлению.

Терминологическое сочетание «лингвистика текста» упрекали за нелогичность, поскольку оно как бы имплицировало возможность «лингвистики морфемы», «лингвистики слова», «лингвистики фонемы». Тем не менее эта формулировка играла свою позитивную методологическую роль. В коллективной монографии [1, с. 6] подчёркивалось, что термин «лингвистика текста» не может распространяться на «исследования, использующие текст лишь как источник необходимых языковых фактов, но не рассматривающие текст как целостное, законченное образование, функционирование элементов в котором обусловлено в первую очередь такими характеристиками текста, как связность, целостность и отдельность». А именно с примерами таких исследований мы встретились в начале данной статьи. «... Лингвистика текста видит свою задачу именно в комплексном рассмотрении текста; если же внимание исследователя сосредоточивается на отдельных компонентах текста ... то обязательно с учётом их взаимосвязи с другими элементами текста в плане выполнения общего коммуникативного задания и собственно текстообразования. Отсутствие такого комплексного подхода к тексту и стремления ответить на вопрос «почему в тексте использовано именно это языковое средство и как оно связано с языковыми средствами других уровней, используемыми в том же тексте, в процессе выполнения коммуникативного задания», то есть невыявление структурной и коммуникативной взаимообусловленности единиц текста, относит проведённое

исследование к области «уровневого или функционального анализа» [1, с. 6]. В результате такой ориентации, а также сопротивления языкового материала искусственному «отталкиванию» лингвистики текста от лингвистики предложения, это отталкивание стало преодолеваться уже в пределах первой, о чём свидетельствует, например, содержание сборника [51].

Суммируя вышесказанное, можно обозначить следующие этапы разработки рассматриваемой методологической проблемы во второй половине XX в.

1. Генеративная грамматика на Западе и формальная грамматика в СССР до 1970-х гг.: верхний уровень анализа – предложение, поэтому вопрос о соотношении лингвистического анализа уникальных текстов с генерализацией не стоит.

2. Генеративная / структурная поэтика: существенный разброс мнений – от сведения цели «грамматики поэзии» до изучения «поэтических предложений», с одной стороны, до яacobсониа́нского комплексного анализа текста с учётом интенции автора – с другой, и обращения к позиции субъекта – читателя, совмещающего языковую и литературную компетенции (обе – включающие набор правил интерпретации текста) у Дж. Куллера [33].

3. Западная теория литературы, нарратология, теория фикциональности того же периода: генерализации о художественных текстах возможны; необходим «промежуточный» между лингвистикой, не выходящей за пределы предложения, и литературоведением, оперирующим более крупными категориями уровень анализа; нужна

другая лингвистика – наука о «правилах высшего порядка».

4. Отечественная лингвистика (в первую очередь школа акад. В.В. Виноградова): художественный текст – законный предмет лингвистического исследования; генерализации о нём возможны и необходимы; грамматический и стилистический анализ текста гармонизированы (без пространного теоретического обсуждения их соотношения); условия релевантности лингвистического анализа текста – опора на позицию автора и функциональную специфику, на рассмотрение языковой ткани текста в её единстве и в соотношении с художественной интенцией автора.

5. Лингвистика текста с 1970-х гг. на Западе и в СССР: текст эксплицитно утверждается как объект лингвистики; методологический плюс – «запрет» на рассмотрение отдельного языкового факта в тексте вне целостности текста и взаимодействия с другими объектами; методологический минус – отказ от построения общей грамматики от слова до текста, сегрегация лингвистики текста от лингвистики других уровней и языковой системы в целом.

6. Системно-функциональная грамматика М.А.К. Холлидея и коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой утверждают единую парадигму анализа всех уровней языковой системы и их функционирования, включая текст, и вступают в плодотворное взаимодействие с разнообразными методологиями лингвистического анализа художественного текста, выстроенными вокруг фигуры субъекта – автора или читателя (такими, например, как система авторских стратегий О.Г. Ревзиной).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. 191 с.
2. Барт Р. Введение в структуральный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Московский государственный университет, 1987. С. 387–422.
3. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 442–449.
4. Буслаев Ф.И. Риторика и пиитика // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С. 41–50.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Избранные труды. М.: Наука, 1980. Т. V. 296 с.
6. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы // Избранные труды. М.: Наука, 1976. Т. IV. 511 с.
7. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
8. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Академия наук СССР, 1963. 252 с.
9. Гиндин С.И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1977. Т. 36. № 4. С. 348–366.
10. Гиндин С.И. Что такое текст и лингвистика текста // Аспекты изучения текста: сборник научных трудов. М.: Университет дружбы народов, 1981. С. 25–32.
11. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Вестник Московского государственного университета. Филология. 1996. № 1. С. 118–135.
12. Женетт Ж. Фигуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. Т. 1–2. 944 с.
13. Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – деятельность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 287 с.
14. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.
15. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 284–296.
16. Золотова Г.А. О перспективах синтаксических исследований // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1986. Т. 45. № 6. С. 500–514.
17. Золотова Г.А. Труды В.В. Виноградова и проблемы текста // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1995. № 4. С. 84–98.
18. Иванчикова Е.А. О принципах изучения синтаксической композиции художественного текста // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33. Вып. 1. С. 53–59.
19. Косиков Г.К. От Проппа к Греймасу // Вестник Московского государственного университета. Филология. 1996. № 1. С. 114–117.
20. Косиков Г.К. Структурная поэтика сюжетосложения во Франции // Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. М.: Наука, 1984. С. 155–205.
21. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось–89, 1999. 192 с.
22. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2003. 256 с.
23. Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 627 с.
24. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Центр-М, 2000. 416 с.

25. Скрёбнев Ю.М. Функциональный аспект лингвистики текста // *Лингвистика текста*. 1974. Т. 2. С. 60–66.
26. Тодоров Цв. Грамматика повествовательного текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1978. Вып. 8. С. 450–463.
27. Щедровицкий П. Как возможна «лингвистика текста»: две программы исследований // *Лингвистика текста*. 1974. Т. 2. С. 197–204.
28. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // *Poetics. Poetyka. Poэтика*. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Badan Literackich. Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. С. 397–417.
29. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
30. Bremond C. Le message narratif // *Communications*. 1964. Vol. 4. pp. 4–32.
31. Burton D.M., Michaels E.L. The Style function // *Poetics*. 1972. Vol. V. pp. 124–137.
32. Chatman S. Whatever happened to literary theory? // *Southern Review*. 1998. Vol. 34. No. 2. pp. 367–383.
33. Culler J.D. *Structuralist Poetics: structuralism, linguistics and the study of literature*. London: Routledge and Kegan Paul, 1975. 301 p.
34. Dijk van T.A. Some problems of generative poetics // *Poetics*. 1971. Vol. 1. Iss. 2. pp. 5–35.
35. Halliday M.A.K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors* // *Explorations in the Functions of Language*. London: Edward Arnold, 1973. pp. 103–143.
36. Halliday M.A.K. *The Linguistic Study of Literary Texts* // *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists*. The Hague: Mouton, 1964. pp. 301–307.
37. Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976. 375 p.
38. Hendricks W.O. *Essays on semiolinguistics and verbal art*. The Hague–Paris: Mouton, 1973. 210 p.
39. Hendricks W.O. Three Models for the Description of Poetry // *Journal of Linguistics*. 1969. Vol. V. No. 1. pp. 1–22.
40. Hill A.A. Some further thoughts on grammaticality and poetic language // *Style*. 1967. Vol. 1. No. 2 pp. 81–91.
41. Hockett Ch.F. *A Course in Modern Linguistics*. New-York: Macmillan, 1958. 621 p.
42. Isenberg H. Überlegungen zur Texttheorie // *ASG-Bericht*. 1968. No. 2. s. 1–18.
43. Jakobson R. *Poetry of grammar and grammar of poetry*. New-York: Mouton Publishers, 1981. 814 p.
44. Jakobson R., Leivi-Strauss C. “Les Chats” de Charles Baudelaire // *L'Homme*. 1962. T. II. No. 1. pp. 5–21.
45. Levin S.R. *Linguistic Structures in Poetry*. The Hague: Mouton, 1962.
46. Levin S.R. Poetry and Grammaticalness // *Proceedings of the 9th International Congress of Linguists*. The Hague: Mouton, 1964. pp. 308–314.
47. Levin S.R. Two Grammatical Approaches to Poetic Analysis // *College Composition and Communication*. 1965. Vol. 16. No. 5. pp. 256–260.
48. Rees van C.J. Some Issues in the Study of Conceptions of Literature: a Critique of the Instrumentalist View of Literary Theories // *Poetics*. 1981. Vol. X. No. 1. pp. 49–89.
49. Riffaterre M. Describing Poetic Structures: Two Approaches to Baudelaire's *Les Chats* // *Yale French Studies*. 1966. No. 36/37. pp. 200–242.
50. Růder V. *Semiotique du Conte* // *Poetics*. 1972. Vol. VI. pp. 50–71.
51. *Tekst i Zdanie. Zbiyr studiow* / red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 389 p.

52. Text vs. Sentence: Basic Questions of Text Linguistics. 2 vols. / Ed. By Petofi J.S. Hamburg: Buske, 1979.
53. Thorne J.P. Poetry, Stylistics and Imaginary Grammars // Journal of Linguistics. 1969. Vol. V. no. 1. pp. 147–151.
54. Thorne J.P. Stylistics and Generative Grammar // Journal of Linguistics. 1965. Vol. I. No. 1. pp. 49–59.
55. Todorov Tz. Poétique de la prose. Paris: Éditions du Seuil, 1971. 189 p.
56. Wellek R, Warren A. Theory of Literature. London: Penguin Books, 1973. 375 p.

REFERENCES

1. Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta [Aspects of general and special linguistic theory of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 191 p.
2. Bart R. [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. In: Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. [Foreign aesthetics and literary theory 19–20th centuries]. Moscow, Moscow State University Publ., 1987. pp. 387–422.
3. Bart R. [Linguistics of text]. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978. Iss. 8. pp. 442–449.
4. Buslaev F.I. [Rhetoric and piiticism]. In: Russkaya slovesnost'. Antologiya [Russian literature. Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997. pp. 41–50.
5. Vinogradov V.V. [On the language of artistic prose]. In: Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. V. 296 p.
6. Vinogradov V.V. [The poetics of the Russian literature]. In: Izbrannye Trudy [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Vol. IV. 511 p.
7. Vinogradov V.V. Problemy russkoi stilistiki [Problems of the Russian stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 320 p.
8. Vinogradov V.V. Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika [Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1963. 252 p.
9. Gindin S.I. [The Soviet text linguistics. Some problems and results (1948–1975)]. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Department of Literature and Language], 1977, vol. 36, no. 4, pp. 348–366.
10. Gindin S.I. [What is text and text linguistics]. In: Aspekty izucheniya teksta: sbornik nauchnykh trudov [Aspects of the study of the text: collection of scientific papers]. Moscow, 1981. pp. 25–32.
11. Greimas A.J. [Reflections on actantial models]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Moscow State University Bulletin. Philology], 1996, no. 1, pp. 118–135.
12. Zhenett Zh. Figury [Figures]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 1998. Vol. 1–2. 944 p.
13. Zolotova G.A. [Speaking person and text structure]. In: Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – deyatelnost' [Language as a system. Language as a text. Language as an activity]. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 1995. 287 p.
14. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow, 1982. 368 p.
15. Zolotova G.A. [Composition and grammar]. In: Yazyk kak tvorchestvo [Language as creativity]. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 1996. pp. 284–296.
16. Zolotova G.A. [On the prospects for syntactic studies]. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Department of Literature and Language], 1986, vol. 45, no. 6, pp. 500–514.

17. Zolotova G.A. [Works of V. Vinogradov and problems of the text]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], 1995, no. 4, pp. 84–98.
18. Ivanchikova E.A. [On the principles of study of the syntactic composition of a literary text]. In: Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language], 1974, vol. 33, no. 1, pp. 53–59.
19. Kosikov G.K. [From Propp to Greimas]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Philology], 1996, no. 1, pp. 114–117.
20. Kosikov G.K. [Structural poetics of plot construction in France]. In: Zarubezhnoe literaturovedenie 70-kh godov. Napravleniya, tendentsii, problemy [Foreign literature of the 70s. Directions, trends, problems]. Moscow, Nauka Publ., 1984. pp. 155–205.
21. Lukin V.A. Khudozhestvennyi tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii i elementy analiza [Literary text: the foundations of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow, Os'–89 Publ., 1999. 192 p.
22. Nikolina N.A. Filologicheskii analiz teksta [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 256 p.
23. Stepanov Yu.S., ed. Semiotika. [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983. 627 p.
24. Sidorova M.Yu. Grammatika khudozhestvennogo teksta [The grammar of a literary text]. Moscow, Centr-M Publ., 2000. 416 p.
25. Skrebnev Yu.M. [The functional aspect of text linguistics]. In: Lingvistika teksta [Text linguistics], 1974, vol. 2, pp. 60–66.
26. Todorov Ts. [The grammar of the narrative text]. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics], 1978, iss. 8, pp. 450–463.
27. Shchedrovitskii P. [What makes “text linguistics” possible: two programs of research]. In: Lingvistika teksta [Text linguistics], 1974, vol. 2, pp. 197–204.
28. Jakobson R.O. [Poetry of grammar and grammar of poetry]. In: Poetics. Poetyka. Poetika [Poetics. Poetyka. Poetics]. Warszawa, Polska Akademia Nauk, Institut Badan Literackich, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. pp. 397–417.
29. Jakobson R.O. Raboty po poetike [Work on the poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.
30. Bremond S. Le message narrative. In: Communications, 1964, vol. 4, pp. 4–32.
31. Burton D.M., Michaels E.L. The Style function. In: Poetics, 1972, vol. V, pp. 124–137.
32. Chatman S. Whatever happened to literary theory? In: Southern Review, 1998, vol. 34, no. 2, pp. 367–383.
33. Culler J.D. Structuralist Poetics: structuralism, linguistics and the study of literature. London, Routledge and Kegan Paul, 1975. 301 p.
34. Dijk van T.A. Some problems of generative poetics. In: Poetics, 1971, vol. 1, iss. 2, pp. 5–35.
35. Halliday M.A.K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors*. In: Explorations in the Functions of Language. London, Edward Arnold, 1973. pp. 103–143.
36. Halliday M.A.K. The Linguistic Study of Literary Texts. In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague, Mouton Publ., 1964. pp. 301–307.
37. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, Longman, 1976. 375 p.
38. Hendricks W.O. Essays on semiolinguistics and verbal art. The Hague, Paris, Mouton Publ., 1973. 210 p.
39. Hendricks W.O. Three Models for the Description of Poetry. In: Journal of Linguistics, 1969, vol. V, no. 1, pp. 1–22.

40. Hill A.A. Some further thoughts on grammaticality and poetic language . In: Style, 1967, vol. 1, no. 2, pp. 81–91.
41. Hockett Ch.F. A Course in Modern Linguistics. New-York, Macmillan Publ., 1958. 621 p.
42. Isenberg H. Überlegungen zur Texttheorie. In: ASG-Bericht, 1968, no. 2, s. 1–18.
43. Jakobson R. Poetry of grammar and grammar of poetry. New-York, Mouton Publishers, 1981. 814 p.
44. Jakobson R., Lévi-Strauss C. “Les Chats” de Charles Baudelaire. In: L’Homme, 1962, T. II, no. 1, pp. 5–21.
45. Levin S.R. Linguistic Structures in Poetry. The Hague, Mouton Publ., 1962.
46. Levin S.R. Poetry and Grammaticalness. In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague, Mouton Publ., 1964. pp. 308–314.
47. Levin S.R. Two Grammatical Approaches to Poetic Analysis. In: College Composition and Communication, 1965, vol. 16, no. 5, pp. 256–260.
48. Rees van C.J. Some Issues in the Study of Conceptions of Literature: a Critique of the Instrumentalist View of Literary Theories. In: Poetics, 1981, vol. X, no. 1, pp. 49–89.
49. Riffaterre M. Describing Poetic Structures: Two Approaches to Buadelaire’s Les Chats. In: Yale French Studies, 1966, no. 36/37, pp. 200–242.
50. Røder V. Semiotique du Conte. In: Poetics, 1972, vol. VI, pp. 50–71.
51. Dobrzyńska T., Janus E., ed. Tekst i Zdanie. Zbiór studiów. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. 389 p.
52. Petofi J.S., ed. Text vs. Sentence: Basic Questions of Text Linguistics. 2 vols. Hamburg, Buske, 1979.
53. Thorne J.P. Poetry, Stylistics and Imaginary Grammars. In: Journal of Linguistics, 1969, vol. V, no. 1, pp. 147–151.
54. Thorne J.P. Stylistics and Generative Grammar. In: Journal of Linguistics, 1965, vol. I, no. 1, pp. 49–59.
55. Todorov Tz. Poetique de la prose. Paris, Éditions du Seuil, 1971. 189 p.
56. Wellek R, Warren A. Theory of Literature. London, Penguin Books, 1973. 375 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидорова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: sidorovadoma@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Yu. Sidorova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian language, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: sidorovadoma@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста: между уникальными «экземплярами» и научными обобщениями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 35–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-35-55

FOR CITATION

Sidorova M.Yu. Grammar of fictional text: between unique “examples” and scientific generalizations. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 35–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-35-55